

РАХИЛИНА Е. В.

ОТНОШЕНИЕ ПРИЧИНЫ И ЦЕЛИ В РУССКОМ ТЕКСТЕ

Настоящая работа посвящена сопоставлению категорий причины и цели в том виде, как они выражены в естественном языке. Материалом послужили вопросо-ответные пары русского языка, содержащие вопросы стандартной семантики со словами *почему* и *зачем*¹.

1

Общепринятым является такое противопоставление причины и цели, при котором вопрос о причине ситуации задается в русском языке с помощью слова *почему*, а вопрос о цели — со словом *зачем*². Ответы на такие вопросы вводятся соответственно так называемыми причинными и целевыми союзами (ср., с одной стороны, — *потому что, так как, ибо* и, с другой стороны, — *чтобы, для того, чтобы* и т. д.). Иными словами, есть два разных значения — «цель» и «причина» и есть специальные языковые средства, их различающие.

Этому представлению, с нашей точки зрения, противоречат следующие два языковых факта. Во-первых, имеется чисто поверхностный запрет на выбор «правильного» вопросительного слова, а именно: в современном русском языке не допускаются вопросы со словом *зачем* и глаголом с отрицанием: в таких случаях соответствующий вопрос задается с помощью слова *почему*:

- (1) — *Почему вы не сказали мне об этом?*
— *Не хотел вас расстраивать.*
- (2) — *Объясни, почему не сел в кресло?* — *спросил Пилат.*
— *Я грязный, я его запачкаю.*

(М. Булгаков)

Ср. недопустимость (1) и (2) со словом *зачем*, хотя целевые (с морфологической точки зрения) ответы в этих случаях вполне возможны:

- (1')* — *Зачем вы не сказали мне об этом?*
— *Чтобы вас не расстраивать.*
- (2')* — *Зачем ты не сел в кресло?*
— *Чтобы его не запачкать.*

Заметим, что если бы в примерах типа (1) и (2) не было отрицания при глаголе, то вопросы с *зачем* были бы допустимы, как и вопросы с *почему*: *Зачем (почему) вы сказали мне об этом? Зачем (почему) ты сел в кресло?* и т. п.

¹ В самом общем виде вопросы стандартной семантики можно определить как вопросы, задаваемые спрашивающим о некоторой неизвестной ему информации с целью ее получить. Такое определение, в частности, позволяет сразу же исключить из рассмотрения экзаменационные и в особенности риторические вопросы. Подробнее см. [1, 2].

² Мы отвлекаемся здесь от рассмотрения синонимических рядов каждого из названных вопросительных слов. Заметим, однако, что, согласно существующим синонимическим словарям, они не пересекаются (см., например, [3]).

Для понимания природы семантического противопоставления причины и цели факт запрета вопросов с *зачем* к глаголам с отрицанием — обстоятельство очень существенное, т. к. это создает зону употреблений, в которой никакого противопоставления нет.

Во-вторых, в реальных диалогах, как устных, так и письменных, очень часты случаи, когда на вопрос о причине отвечают целью, а на вопрос о цели — причиной³. Мы имеем в виду морфологическую несоотнесенность вопросов и ответов, когда вопрос оформляется как вопрос о причине, а ответ вводится целевым союзом, и наоборот, ср.:

(3) — *Зачем вы идете на войну?*

— *Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь — не по мне.*

(Л. Толстой)

(4) — *Зачем ты приехал?*

— *Отец велел.*

(Л. Толстой)

(5) *<Рыцарь снимает латы и шагает через подоконник>.*

— *Почему он избрал столь опасный путь?*

— *Чтобы не разбудить нас, бедных.*

(Е. Шварц)

(6) — *Бабушка, почему у тебя такие большие уши?*

— *Чтобы лучше слышать.*

Показательно, что такие диалоги никак нельзя признать неудачными, «провалившимися» — они не нуждаются в продолжении: спрашивающий каждый раз оказывается удовлетворен ответом. Однако допустимость таких диалогов не может быть объяснена, исходя из изложенного выше представления о цели и причине. Устранению указанных противоречий в трактовке вопросо-ответных пар с *почему* и *зачем* будет посвящено дальнейшее изложение.

2

Нам кажется удобным, по крайней мере на первом этапе решения этой проблемы, отказаться от терминов «причина» и «цель» и ввести общее понятие «о п р а в д а н и е н е к о т о р о й с и т у а ц и и»⁴.

Пусть дана ситуация *B* и требуется построить ее оправдание. Существуют, как представляется, по крайней мере три различных способа, которыми это можно сделать, а именно:

1) Предъявить такую ситуацию *C* из множества ситуаций, не требующих оправдания, для наступления которой н е о б х о д и м о *B*. Последнее в данном случае означает, что, во-первых, ситуация *C* может иметь место только после ситуации *B*, а во-вторых, что если не имеет место *B*, то *C* не может иметь места. Иначе говоря: $\neg B \rightarrow$ позже $\neg C$.

2) Предъявить такую ситуацию *C'* из множества ситуаций, не требующих оправдания, для наступления которой д о с т а т о ч н о *B*, т. е. такую ситуацию *C'*, которая, во-первых, может иметь место только п о с л е *B*, а во-вторых, если имеет место *B*, то *C'* будет иметь место: $B \rightarrow$ позже *C'*.

³ Ср. в этой связи следующее характерное рассуждение: «Зачем я пишу? Я пишу, потому что не могу не писать. На вопрос о цели — ответ о причине, и другого быть не может» (М. Цветаева, Поэт о критике).

⁴ В мире говорящего и слушающего практически всякая ситуация имеет оправдание, однако существуют ситуации, которые его не требуют; это такие ситуации, «ценность» которых очевидна, т. е. как бы заранее задана в мире говорящего и слушающего. Такова, в частности, ценность ситуации «лучше слышать» в примере (6).

3) Предъявить такую ситуацию A , не требующую оправданий, при которой $A \rightarrow$ позже B (т. е. A достаточно для B).

С морфолого-синтаксической точки зрения, указанные три типа возможных оправданий ситуации B оформляются следующим образом.

Для оправданий первого рода обычно используются целевые союзы: $\langle - \text{Зачем } B? \rangle - B, \text{ чтобы } C. \langle - \text{Зачем ты развел костер?} \rangle - \text{Я развел костер, чтобы не замерзнуть } (C).$ Ситуация C может, кроме того, вводиться непосредственно как входящая в формулу $\neg B \rightarrow$ $\rightarrow$ позже $\neg C$, такое оправдание оформляется с помощью причинного союза: $B, \text{ потому что если } \neg B, \text{ то позже } \neg C \Leftrightarrow \text{Потому что иначе } \neg C \Leftrightarrow \Rightarrow \text{Иначе } \neg C.$

(7) — Зачем ты развел костер?

— Иначе я замерзну.

(Я развел костер (B), потому что если бы я не развел костер, то $\langle$ позже $\rangle$ я бы замерз ($\neg C$) $\langle$ а нужно, чтобы я не замерз (C) $\rangle$).⁵

Ср. также (9):

(9) — А иконка зачем?

— Ну да, иконка... но дело в том, что он, консультант, он, будем говорить прямо, с нечистой силой знается... и так его не поймашь.

(Булгаков)

$\approx$ Нужна иконка (B), потому что так (т. е. без иконки. — $\neg B$) не поймашь консультанта (C), $\langle$ а нужно поймать (C) $\rangle$.

Контрапозиции такого рода утверждений ($C \rightarrow$ раньше B) сохраняют истинность, хотя и не используются в качестве реальных оправданий⁶, ср.: Я не замерз, потому что $\langle$ раньше $\rangle$ развел костер; Если консультанта поймали, то непременно с иконкой.

Оправдания второго рода вводятся причинными союзами: $B, \text{ потому что если } B, \text{ то позже } C' \Leftrightarrow \text{Потому что тогда (так) } C' \Leftrightarrow \text{Тогда (так) } C' \Leftrightarrow C', \text{ ср.:}$

(10) — Зачем ты развел костер?

— С ним не так холодно.

(11) — Послушайте, зачем вы сбрили баки?

— Гримироваться удобнее.

(Булгаков)

Оправдания третьего рода также вводятся причинными союзами: $B, \text{ потому что в некоторый более ранний момент имело место } A, \text{ такое, что если } A, \text{ то позже } B \Leftrightarrow B, \text{ потому что } A \Leftrightarrow \text{Потому что } A.$

(12) — Почему ты развел костер?

— Хотел посмотреть, как он будет гореть.

⁵ Последнее утверждение — в угловых скобках — условно эксплицирует идею входящего C в множество ситуаций, не требующих оправдания. Как только оказывается, что в качестве оправдания (любого типа) предъявляется ситуация, которая, по мнению слушающего, не принадлежит этому множеству, такое оправдание признается неудачным и начинается диалог типа (8):

(8) $\langle - \text{Еду сено косить} \rangle.$

— На что тебе сено?

— Коровок кормить.

— А на что коровки?

— Молоко доить.

— А на что молоко?....

который продолжается до тех пор, пока спрашивающему, наконец, не будет предъявлена ситуация, не требующая оправдания.

⁶ Как можно заметить, все оправдания используются только в той форме, которая содержит стрелку $\rightarrow$ позже.

Заметим, что указанные три типа оправданий представляют собой реализацию трех из следующих шести возможных отношений между двумя ситуациями — P и Q , где P — данная ситуация, а Q — ситуация, предлагаемая в качестве оправдания:

1) $Q \rightarrow \text{позже } P$	5) $\nabla Q \rightarrow \text{позже } P$
2) $P \rightarrow \text{позже } Q$	6) $\nabla P \rightarrow \text{позже } Q$
3) $\nabla Q \rightarrow \text{позже } \nabla P$	7) $Q \rightarrow \text{позже } \nabla P$
4) $\nabla P \rightarrow \text{позже } \nabla Q$	8) $P \rightarrow \text{позже } \nabla Q$

А именно: случаю 1) соответствуют оправдания третьего рода, случаю 2) — оправдания второго рода, случаю (3) — оправдания первого рода: ситуация P , связанная с ситуацией Q отношением 5) — 8), не может служить ей оправданием. Случай 4), по-видимому, допускает интерпретацию P как оправдания Q (хотя в реальных текстах нам не встретилось соответствующих примеров), ср. следующий ответ на вопрос *Зачем ты развел костер?* (*Зачем P ?*) — *Не замерз бы, не разводил бы* ($\nabla A \rightarrow \text{позже } \nabla B$). Случай 4) мы в дальнейшем рассматривать не будем⁷. Таким образом, остаются три типа канонических отношений, которые естественно считать исходными при построении ответа на вопрос, требующий оправдания некоторой ситуации. Такие ответы мы будем считать прямыми. Косвенными будут в этом случае ответы, имеющие любую другую синтаксическую природу, но при этом не приводящие к провалу речевого акта, ср. (13):

(13) — *Зачем вам очки, Лидя?*

— *Что я, хуже людей, что ли? Все вокруг носят.*

Утверждается, что во всех таких случаях существуют (семантические) преобразования, которые позволяют получить из косвенного ответа тот или иной тип оправдания ситуации (т. е. некоторый прямой ответ). Подобное исследование косвенных вопросов не входит, однако, в нашу задачу.

Примечание. Определяя прямой ответ на вопрос, мы фактически пользовались только синтаксическими критериями. Между тем у этой проблемы есть и семантический аспект — а именно, установление связи между P и Q и отождествление ее со связью 1)–3). Мы формулируем свою задачу таким образом, как если бы семантический аспект проблемы был бы уже исчерпан — т. е. как если бы мы располагали своего рода базой данных, в которой имелись бы все интересующие нас ситуации и типы связей между ними были бы заранее заданы, так что можно было бы легко определить их соответствие 1)–3). Определение прямого ответа было бы, возможно, иным, если бы мы, напротив, имели в виду решение следующей задачи: дан текст и база данных, содержащая ситуации, которые этот текст описывает; требуется установить все отношения между ситуациями, исходя из лингвистического анализа текста.

3

До сих пор мы говорили собственно об оправданиях, т. е., с точки зрения ситуации диалога, о возможных ответах на определенные вопросы. Перейдем теперь к анализу самих вопросов, а именно, вопросов со словами *зачем* и *почему*.

При описании значения конструкций *Почему P ?* и *Зачем P ?* естественно исходить из гипотезы об их семантическом тождестве. В таком случае семантика этих конструкций будет сводиться к требованию оправдания ситуации, попадающей в сферу действия вопросительного слова, причем оправдания, вообще говоря, любого рода. Различие между вопросами с *почему* и *зачем* может быть целиком отнесено за счет прагматического

⁷ Заметим, что в ответах, реализующих отношение 4), оправдание не может быть введено с помощью союза.

фактора — а именно, за счет разных исходных предположений⁸ этих вопросов. С нашей точки зрения, исходное предположение вопросов со словом *зачем* состоит в том, что ситуация *B*, оправдание которой требуется сообщить, представляется говорящему у п р а в л я е м о й, тогда как исходное предположение вопросов со словом *почему* является противоположным и состоит в том, что соответствующая ситуация представляется н е у п р а в л я е м о й. Поясним, что мы имеем в виду.

Говоря неформально, управляемость ситуации *B* предполагает наличие некоторого (разумного) деятеля (*X*), от которого зависит, будет или не будет ситуация *B* иметь место. Соответственно, ситуация *B* должна входить в некоторый ряд альтернативных ситуаций *B*, *B'*, *B''* и т. д.⁹, каждая из которых, в принципе, может быть «выбрана» *X*-м, т. е. *X* должен принять решение относительно того, какая из альтернативных ситуаций будет иметь место. Так, обычно неуправляемыми являются ситуации, описывающие явления природы: *смеркается*, *белеет снег*, *замерзает река* и т. п., поскольку предполагается, что не существует такого разумного деятеля, который бы мог «решать», шуметь лесу или нет, светать или нет и т. п., который мог бы быть ответственным за наступление этих ситуаций.

К предикатам, обозначающим ситуацию, которая интерпретируется как неуправляемая, в современном русском языке нельзя задать вопрос со словом *зачем*, ср.: *Зачем в полях белеет снег?* *Зачем смеркается?* *Зачем замерзает река?* Ср. также вопросы с другими предикатами, обозначающими неуправляемые ситуации: *Зачем вода состоит из водорода и кислорода?* *Зачем человек произошел от обезьяны?* и т. п.¹⁰.

Существенными свойствами управляемости, выделяющими ее как особую характеристику ситуации, являются, с нашей точки зрения, следующие два.

1. Управляемость — это свойство конкретной ситуации, а не предикатной лексемы как таковой (а значит, это свойство не может быть занесено в словарную статью соответствующего предиката). Одна и та же лексема может в разных случаях обозначать как управляемые, так и неуправляемые ситуации. Так, вопрос, в обычной ситуации, видимо, грамматически неправильный, — например, *Зачем он так наивен?* — становится вполне приемлемым, как только оказывается, что этот вопрос задан автору или режиссеру пьесы об одном из ее персонажей: *Зачем он у тебя в первом акте так наивен?* (ср. в том же контексте: *Зачем ружье выстрелило?*). В этом случае утверждается существование такого лица (например, автора пьесы), от которого зависит «выбор» черт характера персонажа пьесы, — ситуация, в обычном мире вряд ли возможная. Именно поэтому в обычном

⁸ О понятии исходного предположения и некоторых связанных с ним проблемах см. ниже (с. 52).

⁹ Очевидно, что составление такого альтернативного ряда не является произвольным. Установление того, какие именно ситуации образуют альтернативный ряд по отношению к ситуации *B*, представляет особую и довольно сложную проблему, которую мы не имеем возможности подробно обсуждать. Некоторое представление об отношениях, связывающих ситуации из одного альтернативного ряда, может дать понятие ассоциативной связи (см. [4]). Более строгое определение этих отношений должно быть связано, по-видимому, с формализацией структуры толкования предикатных лексем. Один из вариантов такой формализации обсуждается (в связи с другими задачами) в [5].

¹⁰ Здесь современный русский язык отличается от языка прошлого века, о чем свидетельствуют, в частности, следующие пушкинские строки: *Зачем крутится ветер в овраге?*, *Зачем арана своего младая любит Дедемона?*, в которых предикаты *крутит* и *любит* обозначают явно управляемые ситуации.

мире, в отличие, например, от мира театрального, ситуации типа «быть наивным» не являются управляемыми и не допускают вопроса со словом *зачем*.

2. Деятель, управляющий ситуацией, не обязательно должен быть субъектом данной ситуации и даже ее участником. В частности, стативные предикаты, обозначающие типичные результаты каузативных ситуаций, обычно без труда осмысливаются как описывающие управляемые ситуации именно потому, что они семантически связаны с такими предикатами, у которых есть актант, способный контролировать осуществление конечного результата. Соответственно, например, вопрос *Зачем здесь висит (стоит, лежит и т. д.) эта безобразная картина?* осмысливается как «Зачем эту картину повесили (поставили, положили...) здесь?».

В любом случае вопрос со словом *зачем* может задаваться говорящим, только если он считает, что ситуация, о которой задается вопрос, — управляема. Если это не так, то должен быть задан вопрос со словом *почему*. Сказанное означает, что если (при условии, что к данному предикату возможны оба типа вопросов) задан вопрос со словом *зачем*, то слушающий понимает, что ситуация представляется говорящему управляемой. Напротив, если при тех же условиях из двух вариантов вопроса об оправдании выбран вариант с *почему*, то слушающий понимает, что говорящий оценивает ситуацию как неуправляемую (ср. противопоставления типа: *Почему вы смеетесь? — Зачем вы смеетесь?; Почему вы так громко говорите? — Зачем вы так громко говорите?*).

Признание отвечающим (т. е. адресатом вопроса) факта управляемости ситуации предполагает предъявление в ответе оправдания первого или второго рода, тогда как признание факта неуправляемости предполагает предъявление оправдания третьего рода. Это связано с тем, что управляемость ситуации *В* включает, как уже было сказано, возможность выбора между *В* и ее альтернативами. Оправдание же в выбранной ситуации в сущности равносильно оправданию выбора как такового. Если в этом случае может быть предъявлено только оправдание третьего типа и никакого другого — значит, фактически никакого (свободного) выбора нет — ситуация неуправляема, ее существование можно объяснить только как обязательное следствие некоторой другой, не требующей оправданий ситуации. Выбор ситуации из множества альтернатив (т. е. управляемость этой ситуацией) возможен только, если у этой ситуации есть оправдание первого или второго рода. Поэтому вопрос со словом *зачем* в нормальном случае, т. е. в случае соблюдения слушающим (отвечающим) представлений говорящего (спрашивающего) об управляемости ситуации, предполагает обоснования первого или второго рода, а со словом *почему* — третьего рода.

Представления спрашивающего могут и не разделяться отвечающим, что, однако, не приводит к провалу речевого акта¹¹. Это последнее есть

¹¹ В отличие от заведомо неприемлемых предложений типа *Камень упал, чтобы убить собаку (см. [6]), вопросы типа *Зачем упал камень?* вполне имеют право на существование даже и тогда, когда в ответе говорится: *Его просто сестром сдуло*. Утверждение предполагает сообщение некоторого полсжения, которое должно быть истинно и в мире говорящего, и в мире слушающего. «Диалоговый режим» не может предполагать полного совпадения этих двух миров, т. к. такое совпадение может быть достигнуто лишь в результате успешного диалога и является, по-видимому, своеобразной конечной целью собеседников. Отсюда возможность квалифицировать какие-то вопросы как детские, глупые и т. д. — т. е. грамматически правильные, имеющие, вообще говоря, ответы, но обнаруживающие несоответствие мира спрашивающего с миром отвечающего. Таким образом, критерии семантической аномальности / неаномальности оказываются различными для повествовательного текста и для диалога.

основное свойство семантической информации, называемой исходным предположением вопроса [7, 2]. Обычно нарушение исходного предположения иллюстрируется примерами вопросов со словом *кто*, где спрашивающий предполагает непустоту некоторого множества лиц, а из последующего ответа выясняется, что множество было пусто:

- *Кто решил задачу?* (Предполагается, что кто-то решил)
— *Никто.*

Особенностью вопросов об оправдании является то, что нарушение исходного предположения в них сводится к замене одного предположения на другое: предположения об управляемости — на предположение о неуправляемости, и наоборот.

Примечание. Заметим, что вопросы с *почему* в принципе не допускают «стандартного» нарушения исходного предположения — если такой вопрос задан и является с языковой точки зрения правильным, то соответствующее множество оправданий не может быть пусто (в отличие, например, от множества лиц, решивших задачу, ср.:

- *Почему ты решил эту задачу?*
— *Нипочему.*

где ответ понимается только как демонстративный отказ от диалога).

4

Остановимся теперь на тех случаях, когда ситуация не может иметь оправдания. Заметим прежде всего, что логически мыслимые и лингвистически приемлемые оправдания, вообще говоря, вовсе не совпадают. Примером противопоставления такого рода могут служить оправдания состояний. Логическим оправданием некоторого наблюдаемого состояния во многих случаях естественно считать ситуацию, которая способствовала его возникновению: *он знает, потому что узнал; он висит, потому что в некоторый момент повис.* Однако язык признает в качестве оправдания таких состояний нечто совсем другое — а именно, ситуацию *A*, которая препятствует их изменению. Вопрос *Почему в момент t_1 имеет место состояние B ?* означает $\approx$ «Назови такую ситуацию *A* ($A \rightarrow$ позже *B*), что если бы *A* не имело места, то в момент t_1 имело место бы не *B*, а какое-то другое состояние, входящее в альтернативный ряд (*B'*, *B''*, *B'''* и т. д.)». Таким образом, имеется альтернативный ряд (информация о нем, очевидно, составляет презумпцию) и требование предъявить ситуацию, мешающую данному состоянию перейти в альтернативное. Лингвистическим оправданием состояний *стоит, висит, лежит* и т. д. является, следовательно, не то, что привело к данному состоянию, а то, что мешает стоящему, висящему и т. д. объекту стоять, висеть и т. п., ср.:

- (14) — *Почему ты стоишь?*
— *Сесть некуда.*

а также:

- (15) — *Почему вы молчите?*
— *Потому что не могу говорить (= „Как только смогу говорить, перестану молчать“).*

Вернемся к задаче поиска ситуаций, не имеющих оправданий. Оказывается, что именно среди состояний есть такие, которые не могут иметь оправданий. Это те, которые не могут меняться на альтернативные в произвольный момент t_1 только потому, что изменились какие-то внешние по отношению к данному состоянию обстоятельства — и в этом смысле не входят ни в какой альтернативный ряд по отношению к произвольному моменту времени. Таковы, например, *помнить, владеть, знать, болеть* и др., а также: *быть молодым, быть высоким* и т. п. Например, для состо-

яния *быть* *больным* никакой внешней ситуации типа *A*, способной вдруг прервать это состояние, не существует: человек заболел и после этого какое-то время остается больным, но только в силу естественного течения болезни, а не каких-то других факторов. Такого рода состояния можно было бы назвать детерминированными — они развиваются, повинаясь своим внутренним законам и не могут внезапно прекращаться или переходить в другие. А значит, эти состояния не имеют лингвистического оправдания¹². Ср. недопустимость в обычной интерпретации вопросов:

* Почему он знает?, *Почему он болеет?, *Почему он молодой? и др.¹³.

Ответвление. Здесь необходимо отметить существование другой интерпретации вопросов с *почему*, которая, в частности, допустима для приведенных выше вопросов. Имеется в виду такое понимание вопроса с *почему*, при котором вопросительное слово связано не непосредственно с предикатом состояния, а с некоторым опущенным предикатом мнения, который его подчиняет. Ср. вопрос *Почему он молодой?* в интерпретации «Почему ты думаешь (считаешь, полагаешь), что он молодой?». Такого рода интерпретацию вопросов с *почему* в литературе принято называть причина-основание (ср. в [8] противопоставление *cause* и *reason* — каузальной причины и причины-основания, см. также [9]). Вообще говоря, любой вопрос с *почему* может быть осмыслен как вопрос об основании. Рассмотренные выше примеры с детерминированными ситуациями допускают, как мы видели, только такую интерпретацию. Легко интерпретируются как вопросы об основании — согласно принципу семантического согласования — вопросы, содержащие оценку: оценка сама по себе есть мнение, ср.: *Почему он глупый?* (= «Почему ты думаешь, что он глупый?»).

Суть семантического противопоставления между оправданием ситуации и ее основанием состоит в том, что то, что является оправданием мнения о ситуации (т. е. основанием), является лишь следствием самой ситуации, а не оправданием ее:

— Почему ты думаешь, что *B*?

— Я думаю, что имеет место *B*, т. к. имеет место *S*,
а когда *B*, то [всегда] *S*.

Ср.:

— Почему <ты думаешь, что> он рубит дрова?

— Потому что щепки летят.

(Очевидно, что на вопрос об оправдании ответ такого рода невозможен.) Совпадение причины и следствия — т. е. фактически неразличение оправдания и основания — происходит в случае, когда *B* и *S* состоят в отношении необходимости и достаточности. Для утверждения: *если сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы, то это необходимо и достаточно для того, чтобы треугольник был прямоугольным*, вопросы об оправдании и основании будут синонимичны, ср.:

(а) — Почему треугольник прямоугольный?

— Потому что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы.

(б) — Почему ты думаешь, что треугольник прямоугольный?

— Потому что сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы¹⁴.

Интересно, что противопоставление оправдание ~ основание встречается не только в диалоге. На наш взгляд, похожим образом организована пара союзов *если... то...* — *если... значит...*. Если..., то... аналогичен оправданию третьего рода: *если A, то B*; *если... значит...* — аналогичен основанию: *если S, значит B* ≈ «Я думаю, что *B*, т. к. *S*, (потому что всегда *если B*, то *S*)». Ср.: *Если гора не идет к Магомету (A), то Магомет идет к горе (B)* и совершенно нетрадиционное понимание этого высказывания при замене союза *если... то...* на *если... значит...*: *Если гора не идет к Магомету (S), значит Магомет идет к горе (B)* — «Я думаю, что Магомет идет к горе, т. к. <я вижу, что> гора не идет к Магомету». Ср. также: *Если человек берется за два дела, прямо противоположных друг другу (A), то одно из них непременно не удастся ему (B)* (Экзюпери), где замена *если... то...* на *если... значит...* приводит к пара-

¹² Вопрос о логическом оправдании здесь, конечно, не обсуждается.

¹³ Что касается вопросов с *зачем* к этим предикатам, то они, как и следовало ожидать, допускаются только в тех нетривиальных случаях, когда данные состояния представляются управляемыми, т. е. подразумевают сознательно действующего каузатора этих ситуаций.

¹⁴ Такого рода совпадения касаются прежде всего постоянных свойств — языковым оправданием такого свойства может служить какое-то другое свойство, а в силу того, что постоянные свойства не зависят от времени, они легко могут вступать в отношения необходимости и достаточности.

доксу: ²Если человек берется за два дела, прямо противоположных друг другу (S), значит одно из них непременно не удастся ему (B) — «Я думаю, что одно из дел не удастся ему, раз он берется за два противоположных дела сразу».

5

Вернемся к оставленным нами терминам «причина» и «цель». Могут ли эти традиционные понятия быть использованы для описания рассмотренных выше явлений? По-видимому, да — но только в том случае, если будет учтено различие между, так сказать, поверхностными и глубинными причинно-целевыми отношениями. С одной стороны, под причинными и целевыми можно понимать такие вопросы или такие ответы, которые вводятся соответствующими вопросительными или союзными словами.

С другой стороны, под причинно-целевыми можно подразумевать более глубокие, логико-семантические отношения между событиями. В этом случае цели будет соответствовать то, что мы называли оправданиями первого и второго рода, а причине — оправдания третьего рода (и, возможно, причина-основание). При таком употреблении терминов семантического противопоставления вопроса о причине вопросу о цели нет — они различаются только исходными предположениями. Это позволяет объяснить отмеченный выше языковой феномен «структурной несоотнесенности», т. е. возможности замены в ответе логико-семантической причины на логико-семантическую цель, и наоборот. Обязательность замены *зачем* на *почему* при глаголе с отрицанием интерпретируется в таком случае как чисто поверхностный запрет на употребление одной из по сути дела синонимических (в строгом смысле — квазисинонимических) конструкций ¹³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hintikka F. Answers to questions // Questions / Ed. by Hiž H. Dordrecht, 1973. P. 279—300.
2. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
3. Словарь синонимов русского языка: В 2-х т / Под ред. Евгеньевой А. П. Л., 1970.
4. Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *а* // НТИ. Сер. 2. 1974. № 10.
5. Туровский В. В. О соотношении значений многозначного слова // Семиотика и информатика. 1985. Вып. 26.
6. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
7. Kiefer F. Some semantic and pragmatic properties of WH-questions and the corresponding answers // Statistical methods in linguistics. 1977. V. 3.
8. Davidson D. Causal relations // The journal of philosophy. 1967. V. LXIV. № 21.
9. Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке // ФН. 1970. № 3.

¹³ Настоящая статья не могла бы быть написана без помощи многих коллег. В первую очередь я хотела бы поблагодарить В. В. Рыжикова и Д. П. Скворцова за консультации, касающиеся формального аппарата описания. Кроме того, я признательна М. А. Кронгаузу, Е. В. Падучевой и В. А. Палуняну за советы и критические замечания, которые я, в меру своих сил, постаралась учесть.